

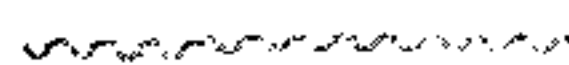
ОЧЕРКЪ НОВѢЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПО

МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ.

СОЧИНЕНІЕ

Всеволода Даневскаго.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1876.

Въ Типографіи Второго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
ВВЕДЕНІЕ	I—IV.
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Бельгійскій историкъ Лоранъ	1— 7.
ГЛАВА ВТОРАЯ. Французскіе публицисты по международ- ному праву	8— 19.
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Итальянскіе публицисты по международ- ному праву	20—128.
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Нѣмецкіе публицисты по междуна- родному праву	129—177.
ГЛАВА ПЯТАЯ. Англо-американскіе публицисты по между- народному праву	178—202.
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Русскіе публицисты по международному праву	203—267.
ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ СТРАНИЦЪ 90. Очеркъ важнѣйшихъ научныхъ попытокъ къ кодификаціи международ- наго права	268—273.

ОЧЕРКЪ НОВѢЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПО

МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ.

ВВЕДЕНІЕ.

Цѣль предлагаемаго труда — ознакомить читателей съ главнѣйшими произведеніями новѣйшей литературы международного права, начиная съ сороковыхъ годовъ настоящаго вѣка. При составленіи этого изслѣдованія авторъ долженъ былъ, естественно, ограничиться самыми важными и извѣстными произведеніями, обнимающими собою весь предметъ международного права, не касаясь трудовъ второстепенныхъ и трудовъ публицистовъ, писавшихъ объ отдѣльныхъ вопросахъ по этому праву. Исключеніе въ этомъ послѣднемъ отношеніи допущено только для русской литературы, имѣющей для насъ особый интересъ и особую важность, а также для итальянской литературы. Малоизвѣстность и

недоступность итальянской литературы какъ въ подлинникахъ, такъ и въ переводахъ, а тѣмъ болѣе въ ссылкахъ и цитатахъ (иностранные и русскіе публицисты вообще мало пользуются итальянскими источниками и рѣдко ссылаются на нихъ); высокая важность изслѣдованій итальянцевъ; свѣжесть и оригинальность ихъ мыслей; живое отношеніе къ политическимъ обстоятельствамъ прошедшаго и настоящаго, все это даетъ автору право подробно остановиться на этой замѣчательной школѣ и посвятить изслѣдованію ея значительнѣйшую часть его труда.

Настоящій трудъ — главнымъ образомъ критическій. При написаніи его, авторъ оставлялъ въ сторонѣ обыкновенныя, ходячія и рутинныя мнѣнія. Онъ смѣло и прямо высказывается также противъ абсолютнаго благоговѣнія передъ нѣкоторыми учеными, преимущественно нѣмецкими, авторитетъ которыхъ издавна имѣетъ рѣшающій голосъ въ вопросахъ государственнаго и международнаго права. Онъ полагался исключительно на доказательства разума, очевидности и исторіи. Критика его можетъ быть слаба, но добросовѣстна и безпристрастна.

При составленіи настоящаго труда сочинитель не могъ подвергнуть разбираемыя имъ сочиненія полной и всесторонней критикѣ, не могъ и не имѣлъ намѣренія разобрать ихъ вдоль и поперекъ. Цѣлью его желаній было—представить сравнительныя достоинства и недостатки той или другой школы вообще, также отдѣльных авторовъ, и вкратцѣ указать на ихъ систему и

значеніе въ наукѣ. Повсюду, гдѣ только къ тому предстояла возможность, онъ касается политическихъ событій и ихъ вліянія на развитіе науки и литературы избраннаго имъ предмета. Популяризируя, по возможности, языкъ и стараясь сдѣлать изложеніе живымъ и яснымъ, составитель настоящаго сочиненія, вмѣстѣ съ тѣмъ, избѣгалъ излишнихъ подробностей во второстепенныхъ его частяхъ, стремясь болѣе къ тому, чтобы читатели могли вынести цѣльное и законченное впечатлѣніе о предметѣ, чѣмъ къ тому, чтобы они запомнили ненужный балластъ, столь часто втискиваемый въ подобнаго рода книги.

Авторъ предвидитъ нападки, которымъ неминуемо подвергнется его неполный трудъ, его первый опытъ, и знаетъ, что большая часть этихъ нападковъ явится со стороны спеціалистовъ, которымъ, быть можетъ, не понравятся критическое направленіе сочиненія и смѣлость, съ которою онъ относится къ авторитетамъ и къ нѣмецкой и англійской школѣ публицистовъ. Полагая, что это дѣло взгляда, онъ выше всего ставитъ убѣжденіе и добросовѣстность его выраженія.

Представляя свой трудъ публикѣ, авторъ напередъ проситъ снисхожденія къ нѣкоторымъ невольнымъ неточностямъ, вкравшимся, быть можетъ, въ его очеркъ и къ другимъ его недостаткамъ.

Въ заключеніе онъ считаетъ обязанностью замѣтить, что итальянскую литературу онъ излагалъ преимущественно по Пьерантони, принявъ, разумѣется, совершенно иную систему и значительно въ нѣкоторыхъ

мѣстахъ дополняя его по другимъ источникамъ, въ иныхъ же мѣстахъ значительно сокращая его. Публицисты другихъ школъ изучены авторомъ по подлинникамъ и лучшимъ переводамъ. Впечатлѣніе, вынесенное имъ объ этихъ публицистахъ, провѣрено по лучшимъ критикамъ и, наконецъ, его собственными убѣжденіями. Еще онъ долженъ сказать, что, за исключеніемъ одной итальянской школы, при разборѣ публицистовъ другихъ народовъ онъ обращалъ, главнымъ образомъ, вниманіе на отношеніе ихъ къ вопросамъ войны и нейтралитета, такъ какъ это, безспорно, самые животрепещущіе, жизненные и наиболее интересные вопросы международнаго права.

Москва.

Въ Январѣ 1876 года.



ОЧЕРКЪ НОВѢЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПО

МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Бельгійскій историкъ Лоранъ.

Въ главѣ нашего очерка новѣйшей литературы по международному праву мы ставимъ *Лорана*, самаго виднаго представителя между современными бельгійскими учеными. Лоранъ самый обстоятельный и лучшій публицистъ по исторіи международного права, а такъ какъ обзоръ историческихъ произведеній по этой наукѣ долженъ предшествовать обзору догматическихъ учебниковъ и монографій, то мы и посвятили этому замѣчательному бельгійскому мыслителю отдѣльную главу. Замѣтимъ, однако, что мы скажемъ о Лоранѣ немного, отсылая нашихъ читателей къ обстоятельному и подробному очерку его ученія, представленному покойнымъ профессоромъ харьковскаго университета Каченовскимъ въ его «Курсѣ

международного права», о которомъ упомянемъ ниже при разборѣ русскихъ публицистовъ по международному праву.

Лоранъ высказываетъ увѣренность въ томъ, что всѣ бѣдствія, проистекающія отъ войнъ, со временемъ прекратятся. По его мнѣнію, міръ нравственный, міръ исторіи подлежитъ одинаковымъ законамъ развитія съ міромъ физическимъ. Это взглядъ позитивистовъ. Но Лоранъ, своимъ обширнымъ, превосходно обработаннымъ умомъ и проницательнымъ взглядомъ, уловивъ многія ошибки позитивизма, далеко не можетъ считаться его послѣдователемъ. Онъ принялъ упомянутое вѣрное положеніе позитивизма, но отринулъ все гипотетическое, вымышленное болѣзненнымъ воображеніемъ Огюста Конта. Признавая въ исторіи естественное, послѣдовательное развитіе извѣстныхъ законовъ, Лоранъ приписываетъ громадное значеніе въ ней и рукъ Всемогущаго Провидѣнія. Будучи чистымъ деистомъ, входя въ споры и пререканія съ ультрамонтанами своей родины (Бельгіи, и по преимуществу Гента, Намюра и Брабанта), онъ приписываетъ, тѣмъ не менѣе, христіанству громадное значеніе въ дѣлѣ развитія и успѣховъ международного права. Лоранъ признаетъ за папствомъ и католическимъ духовенствомъ важное и благотворное вліяніе на международное право. Грандіозную задачу послѣдняго онъ видитъ въ достиженіи вѣчнаго мира, который, по его мнѣнію, долженъ наступить путемъ медленнаго, прогрессивнаго развитія современнаго международного права, какъ естественный удѣлъ человѣчества, предъопредѣленный Провидѣніемъ и разумомъ. Если народы прежде уклонялись отъ этого идеала своего развитія и теперь еще не достигаютъ его, то причины тому нужно искать въ страхѣ, взаимномъ непониманіи и недовѣріи, которые разъединяютъ народы. Современемъ, думаетъ Лоранъ, этотъ страхъ, это недовѣріе исчезнутъ. На-

роды поймутъ другъ друга. Они постигнуть и прочувствуютъ то великое начало, по которому Провидѣніе призвало ихъ къ совмѣстному стремленію къ одной и той же цѣли. Цѣль эта—умственное, нравственное и матеріальное преуспѣяніе всего человѣчества, какъ единого цѣлаго, отдѣльные народы и члены котораго одинаково должны и будутъ стремиться къ достиженію того предѣла, за которымъ наступитъ новая, блестящая эпоха человѣческой цивилизаціи и исторіи: когда вражда прекратится и воцарится миръ — идеаль и благо всего человѣчества. Мысль свою этотъ гениальный писатель подкрѣпляетъ примѣрами изъ исторіи и указаніями на весьма замѣтный, по его мнѣнію, прогрессъ въ области международныхъ отношеній и международного права. Сравнивая положеніе международного права на востокѣ, въ Греціи, Римѣ и въ средніе вѣки съ современнымъ его состояніемъ, Лоранъ находитъ въ этомъ сравнительно-историческомъ методѣ изслѣдованія сильныя доводы въ подтвержденіе своей мысли, выведенной *a priori*.

Лоранъ соединилъ оба метода изслѣдованія: синтетическій и аналитическій. Теорія и практика одинаково блистательно разработаны въ восемнадцати томахъ замѣчательнаго творенія Лорана. Эти томы должны служить каждый въ отдѣльности и всѣ вмѣстѣ развитіемъ и доказательствомъ его главной мысли, изложенной во введеніи къ первому тому его сочиненія, озаглавленнаго: «Histoire du droit des gens et des relations internationales», появившемся въ Гентѣ въ 1850 году. Первый томъ содержитъ исторію цивилизаціи востока; второй — въ Греціи; третій — въ Римѣ (по преимуществу, однако, Лоранъ обращаетъ въ нихъ вниманіе на международное право и международныя отношенія).

Къ несчастію, авторъ не остался вполне вѣрнымъ своей

задачѣ. Пылкая, страстная натура его, ненависть къ фанатическому католическому духовенству его отечества побудили его внести въ свой трудъ элементы, посторонніе нашей наукѣ. Лоранъ совершенно измѣнилъ первоначальную цѣль и методъ изслѣдованія: онъ расширилъ трудъ свой, и уже съ четвертаго тома этого труда онъ впалъ въ нескончаемые теологическіе споры съ католическою богословскою догматикою въ лицѣ іезуитовъ и другихъ римско-католическихъ фанатиковъ.

Четвертый, пятый и шестой томы сочиненія Лорана наполнены спорами о нѣкоторыхъ догматахъ, о монашествѣ и римско-католическомъ каноническомъ правѣ, и другими богословскими предметами. Поэтому и сочиненіе его уже не могло носить прежняго заглавія, и Лоранъ съ четвертаго тома, все еще не покидая своей главной мысли — писать изслѣдованіе о всемірной исторіи международнаго права, долженъ былъ присоединить къ первоначальному заглавію сочиненія другое: «Etudes sur l'histoire de l'humanité».

Начиная съ седьмаго тома, Лоранъ опять обращается, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ томахъ, на путь, имъ первоначально предположенный, и приступаетъ здѣсь къ изслѣдованію состоянія международнаго права въ средніе вѣки. Въ нѣкоторыхъ изъ остальныхъ томовъ можно найти исторію новѣйшаго международнаго права ¹⁾. Повсюду, начиная съ седьмаго тома, авторъ вноситъ въ свой трудъ подробныя изслѣдованія о состояніи умственной и нравственной образованности

¹⁾ Къ исторіи международнаго права, кромѣ 1-го, 2-го и 3-го томовъ (Востокъ, Греція и Римъ) относятся еще: 4-й (средніе вѣка), 10-й, 11-й, и 15-й томы (новое время) сочиненія Лорана.

человѣчества и изучаетъ многія важныя историческія событія, какъ напимѣръ, реформацію и французскую революцію. Такимъ образомъ, все сочиненіе его есть скорѣе громадная исторія всемірной цивилизаціи, гдѣ всѣ важныя вопросы хорошо изслѣдованы и на нихъ даются отвѣты, чѣмъ собственно исторія международного права. Съ другой стороны, разширивъ задачу свою, авторъ принесъ много пользы и главной цѣли, имъ предначертанной, такъ какъ глубокія изслѣдованія исторіи международного права и международныхъ сношеній во всѣ историческія эпохи и у всѣхъ народовъ въ связи съ исторіею цивилизаціи вообще не допустили его впасть въ односторонность; обширный же умъ и невѣроятно разносторонняя и громадная эрудиція Лорана дали ему возможность всесторонне и съ истиннымъ знаніемъ дѣла отнестись къ предмету и указать на связь его съ успѣхами умственного, матеріальнаго и нравственнаго прогресса человѣчества вообще.

Нужно изумляться, съ какимъ замѣчательнымъ искусствомъ, съ какою проницательностію, съ какою всеобобщающею систематичностью гентскій профессоръ изслѣдовалъ исторію международного права въ древности и въ средніе вѣки! Этотъ, до него совершенно почти темный, періодъ выясненъ имъ въ такой мѣрѣ, что врядъ-ли кто и когда-нибудь скажетъ много новаго о состояніи международного права въ древнія времена. Правда, ему не удалось доказать существованія твердыхъ основъ, хотя бы и въ зачаткахъ только, международного права въ древности; всѣ усилія его въ этомъ направленіи остались тщетными; но онъ представилъ удивленнымъ и восхищеннымъ читателямъ блистательный и полнѣйшій очеркъ всѣхъ обычаевъ, учреждений, трактатовъ, всѣхъ, однимъ словомъ, фактовъ и явленій, которые указываютъ на тогдашнее положеніе международной жизни и международныхъ сношеній.

Всѣ ученые, писавшіе послѣ Лорана по исторіи международнаго права, не сказали ничего новаго, скорѣе даже ушли назадъ. Большинство же просто заимствуется у Лорана, и можно сказать съ увѣренностью, что тотъ изъ современныхъ публицистовъ этой науки, который болѣе заимствовался у него и лучше компилировалъ его, тотъ и впадалъ въ меньшія ошибки, болѣе принесъ пользы и больше увлекалъ читателей (Каченовскій).

Сочиненіе Лорана встрѣтило общее сочувствіе. Много объ немъ писалось и говорилось; много говорятъ и пишутъ и теперь. Никто, сколько намъ извѣстно, не осмѣлился, однако, сильно затрогивать это сочиненіе; никто не былъ настолько смѣлъ, чтобы отрицать значеніе этого ученаго и плодотворность и полезность его труда. Нѣмецкіе ученые, у которыхъ Лоранъ отнялъ даже послѣднюю ихъ привиллегію и послѣднее качество—многодумность и глубокомысліе, — и тѣ не нашли возможнымъ направить стрѣлы своей критики противъ «Histoire du droit des gens et des relations internationales». Робертъ фонъ Моль, не соглашаясь съ основными положеніями Лорана, высказанными имъ во введеніи къ первому тому, относится, однако, къ Лорану съ глубокимъ уваженіемъ. Каченовскій справедливо замѣтилъ, что только недобросовѣстная критика можетъ не признавать великихъ достоинствъ этого сочиненія. Всѣ новѣйшіе публицисты невольно выражаютъ свое уваженіе къ авторитету Лорана частыми ссылками на его сочиненіе, какъ на самый достовѣрный и полный источникъ.

Хотя и можно было бы сказать кое что противъ основной мысли Лорана, но здѣсь тому не мѣсто. Поэтому мы окончимъ наше изслѣдованіе о Лоранѣ замѣчаніемъ, что, по нашему мнѣнію, историческая школа Лорана, единственно возможная

въ настоящее время, имѣетъ громадную будущность, потому что Лоранъ, какъ историческій изслѣдователь, а итальянцы, какъ философы-изслѣдователи теоретическихъ началъ международного права, положили нашей наукѣ новыя основанія ¹⁾).

¹⁾ Изъ бельгійскихъ публицистовъ большою извѣстностію пользуется еще *Rollin - Jacquemyns*, профессоръ гентскаго университета, авторъ весьма замѣчательной брошюры о послѣдней французско - прусской войнѣ («*La guerre actuelle dans ses rapports avec le droit international*» Gand. 1870). Эта брошюра была помѣщена первоначально въ извѣстномъ журналѣ: «*Revue de droit international et de législation comparée*», изданіе котораго началось въ Гентѣ, въ 1869 году, и продолжается по сию пору. Въ этомъ журналѣ печатаются прекрасныя статьи по сравнительнымъ законодательствамъ и въ особенности по международному праву. Блунчли, покойный Робертъ Мольте, Пьерантони Амари, покойный Каченовскій и многіе другіе извѣстные публицисты всѣхъ государствъ помѣщаютъ и помѣщали въ немъ свои изслѣдованія по различнымъ вопросамъ международного права и сравнительнаго законодательства. Редакторомъ этого журнала — *Rollin-Jacquemyns*, авторъ упомянутой выше брошюры, которую, равно какъ и весь журналъ, мы особенно рекомендуемъ читателямъ. Считаемъ также нелишнимъ сказать, что въ томъ же Гентѣ основанъ недавно международный институтъ (см. *Revue de droit international* 1874, page 674 и слѣд.), отъ котораго можно ожидать многого для нашей науки.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Французскіе публицисты по международному праву.

Многіе, безъ сомнѣнія, удивятся странному явленію, составляющему рѣзкую, недостаточно объяснимую особенность французской литературы по международному праву. Мы разумѣемъ—отсутствіе въ этой литературѣ сколько нибудь выдающихся и извѣстныхъ сочиненій, которыя обнимали бы собою всю систему этого права, а также и учебниковъ въ той или другой формѣ ¹⁾. Отсутствіе это поражаетъ и трудно объ-

¹⁾ Два сочиненія, изданныя на французскомъ языкѣ, повидимому, противорѣчатъ высказанному нами взгляду: швейцарца *Ваттеля* (*Vattel*), издавшаго въ 1758 году, въ двухъ томахъ, сочиненіе подъ заглавіемъ: «Le droit des gens ou principes de la loi naturelle, appliqués à la conduite et aux affaires des nations et des souverains»; второе — принадлежитъ *Тиссо* (*Tissot*) и носитъ названіе «Principes du droit public». Paris, 1872 года. Первое изъ этихъ сочиненій написано швейцарцемъ, а не французомъ; издано же оно на французскомъ языкѣ главнымъ образомъ потому, что со времени вестфальскаго конгресса французскій языкъ сдѣлался единственно-употребительнымъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ. Ваттель — послѣдователь нѣмецкаго ученаго Христіана Вольфа (ученика Лейбница). Популяризируя малодоступное, сухое и математическое изложеніе Вольфа, Ваттель имѣлъ намѣреніе сдѣлать изъ своего труда легко-читаемую и настольную книгу для дипломатовъ, почему и издалъ ее на